
ИСТОЧНИКИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ВОКАЛИЗМА В РУССКОЙ РЕЧИ ЯПОНЦЕВ

В.В. Носова, И.М. Логинова

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия 117198

Статья посвящена сравнению русского и японского языков с целью применения полученных результатов в практике преподавания русского языка японским студентам. В статье проводится типологический анализ вокализма русской и японской языковых систем, выявляются причины потенциальной интерференции.

Ключевые слова: типология, русский язык, японский язык, вокализм, редукция, аккомодация.

Особенности фонетической интерференции обусловлены спецификой фонетической системы родного языка, что предопределяет типологические и универсальные трудности, возникающие при обучении произношению. Единицы фонетических систем русского и японского языков только на первый взгляд имеют много общего, в действительности же отличительных черт между ними гораздо больше.

Анализ звуковых цепей показывает, что вследствие подавляющего преобладания открытых слогов, большого количества неприкрытых слогов японский язык является вокалическим с многообразной вокалической сочетаемостью в речи при почти полном отсутствии консонантной сочетаемости.

В этом отношении, как отмечает И.М. Логинова, «японский язык резко отличается от русского, традиционно считающегося консонантическим ввиду сложной по инвентарю единиц и разнообразию связей между ними системы согласных, высокой информативности согласных фонем, преобладания консонантических единиц в звуковых цепях из-за наличия закрытых слогов и многообразной консонантной сочетаемости в начале, середине и конце слога и слова, внутри и на стыке морфем и слов» [2]. И хотя русской речи также свойственна богатая вокалическая сочетаемость, все же оба языка достаточно далеко отстоят друг от друга на шкале вокаличности-консонантности.

Опираясь на описание системы ударных гласных звуков с позиции русского языка как иностранного, можно констатировать, что в русском языке имеются семь гласных звукотипов, представленных в следующей таблице [3. С. 94].

Ряд		Передние	Непередние	
Подъем		нелабиализованные		лабиализованные
верхние		и	ы	у
неверхние	средние	е	э	о
	нижние		а	

Японский язык насчитывает пять гласных звуков [6. С. 127]:

Ряд	Передние	Непередние	
Подъем			
Закрытые (высокие)	[i]	[ʉ]*	
Полузакрытые (средне-высокие)	[e]		[o]
Открытые (низкие)		[a]	

* Ниже для обозначения этого гласного используется знак международного фонетического алфавита [ʉ], в том числе и в примерах В.В. Рыбина.

Еще в конце 1980-х гг. Н.А. Любимова при описании финско-русского билингвизма применила метод наложения «фонологической сети» (предложенный У. Вайнрайхом), который позволяет выявить возможную фонетическую интерференцию в области звукоупотребления и показать, насколько далеко отстоят друг от друга сопоставляемые языки.

Н.Н. Рогозная конкретизировала такую типологическую сетку и предложила применить ее ко всем языковым ярусам. По ее мнению, «прозрачная схема анализа подобной фонологической сетки помогает выявить не только наличие или отсутствие фонемы, но и дает возможность подробного исследования фонологических систем пары языков по пяти критериям: полное тождество, формальное, частичное, несовпадение и отсутствие единицы» [5. С. 101—102]. Согласно распространенной точке зрения полное тождество вряд ли возможно в разных языках с учетом их фонетической системы (ФС) и артикуляционной базы (АБ), о чем неоднократно говорили фонетисты, остальные критерии («формальное» и «частичное», «несовпадение» и «отсутствие») не совсем ясны.

Сравнивая классификацию гласных русского и японского языков, Н.Н. Рогозная справедливо не находит полного тождества фонем в них, считая, что формальному тождеству соответствуют четыре фонемы (*a, u, o, ə*), которые отличаются от русских ненапряженностью. Однако положение этих фонем в ФС и АБ русского и японского языков существенно различны. Рассмотрим характеристику японских звукотипов подробнее, опираясь на описание гласных у В.В. Рыбина.

[a] — гласный непереднего ряда низкого подъема неогубленный и произносится с относительно широким раствором полости рта. При его артикуляции язык занимает самое нижнее положение и имеет плоскую конфигурацию, образуя резонатор большого объема. Этот гласный встречается в анлауте, в позиции после твердого согласного или между твердыми согласными: [asa] ‘утро’, [ka] ‘комар’, [kasa] ‘большая соломенная шляпа’.

[i] — гласный переднего ряда высокого подъема неогубленный с относительно узким раскрытием губ, а уголки губ слегка раздвинуты в стороны. При его произнесении язык продвинут вперед, передняя часть языка поднята и формирует узкую щель между ним самим и твердым небом, при этом кончик языка опущен и касается задней части нижних зубов. После мягких согласных язык продвигается еще больше вперед. Встречается в анлауте и между согласными: [isʉ] ‘стул’, [k’ikʉ] ‘хризантема’.

[o] — гласный непереднего ряда среднего подъема. При его произнесении уголки губ сдвинуты к центру и губы несколько округлены. Это единственный огубленный японский гласный, но его огубленность значительно меньше по сравнению с подобным гласным в русском языке. В словах встречается в разных позициях: [o] ‘хвост’, [oto] ‘звук’, [to] ‘дверь’, [koto] ‘кото (японский тринадцатиструнный музыкальный инструмент)’.

[e] — гласный переднего ряда среднего подъема неогубленный. Губы слегка раздвинуты в стороны и разомкнуты больше, чем при артикуляции [i], и меньше, чем при артикуляции [a], спинка языка приподнята, но меньше, чем при артикуляции [i]. Основной аллофон фонемы [e] встречается и в анлауте, и в середине слова, и в абсолютном конце: [e] ‘картина’, [te] ‘рука’, [mae] ‘вперед’ [6. С. 129—131].

При овладении русским языком японцами эти фонемы легче усваиваются.

Специфическим в японском языке в отличие от русского является фонема [ɯ] — непередний гласный, тяготеющий к среднему ряду, высокого подъема (занимает среднее положение между кардинальными гласными [u] и [o] по Д. Джозунзу). Произносится без округления и выпячивания губ, хотя иногда японскими авторами отмечается небольшая огубленность. Основной аллофон фонемы [ɯ] встречается в начале слов, и в середине, и в абсолютном конце: [ɯ] ‘баклан’, [ɯta] ‘песня’, [kɯma] ‘медведь’, [sɯ] ‘гнездо’ [6. С. 129—130]. Н.Н. Рогозная считает японский [ɯ] и русский [y] частично совпадающими, однако отсутствие дифференциального признака (ДП) огубленности переносит русское [y] в другое фонологическое пространство — [ы] и является смыслоразличительным фактором (ср.: рук — рык, лужа — лыжа, ту — ты и т.п.). Разное фонологическое содержание (разный набор ДП) единиц приводит к их несовпадению (по Н.Н. Рогозной, критерий несовпадения отсутствует в системе гласных двух языков).

Следовательно, работа при постановке русского [y] японцам будет требовать определенных усилий, и на этот звук необходимо обратить особое внимание, что и подтверждается практикой преподавания.

Звук [ы], который Н.Н. Рогозная считает отсутствующим в японском языке [5. С. 102—103], артикуляционно близок японскому [ɯ], поскольку русский [ы] достаточно отодвинут назад между твердыми согласными, а японский [ɯ] несколько продвинут вперед. Однако в русском языке это разные звукотипы (фонемы — ЩФШ), выполняющие функцию смыслоразличения; акустико-артикуляторная близость при фонологическом различии неизбежно приведет к интерференции.

Гласные японского языка в отличие от русских различаются по признаку долготы и краткости: [a] — [a:], [i] — [i:], [ɯ] — [ɯ:], [e] — [e:], [o] — [o:]. Долгие гласные звучат в два раза дольше, чем обычные гласные [a, i, e, u, o]. Это означает, что долгота звука [a] составляет одну мору, а долгота звука [a:] = [aa] — две моры. Различие по долготе гласного звука смыслоразличительно в японском языке, например: [yuki] ‘снег’ и [yu: ki] ‘смелость’, [obasan] ‘тетя’ и [oba: san] ‘бабушка’.

Долгота японских гласных не сопоставима с русскими сочетаниями гласных, где, кстати, не бывает редукции второй степени, например, в словах *пообедать*, *пообещать*, *пооплодировать*, *наоборот*, *кооперация*, *соотношение*, *вообразить*, *заарканить*. При отсутствии сочетаний гласных появляется редуцированный вто-

рой степени во втором предупредном слоге: *n[ʲ]бедить, n[ʲ]бежать, к [ʲ]перациии, с [ʲ]тношением* и т.п. Русские «двойные» гласные (практически всегда на стыке морфем) являются полнослоговыми, слогораздел между ними ощущается артикуляционно и акустически, поэтому в данных фонетических позициях японцы будут делать типичные ошибки, произнося: *p[ap]щать — пообещать, p[ab]едать* и т.д.

В литературе по японской фонетике, учебниках и учебных пособиях по современному японскому языку многими авторами отмечается наличие дифтонгов в японском языке. Так, еще Е.Д. Поливанов говорил о том, что каждый из пяти японских гласных может быть первым элементом дифтонгов с [i] — [ai, ui, oi]; с [u] — [au, ou]; с носовым N — [aN, iN, uN, eN, oN] [4. С. 135]. Однако В.В. Рыбин утверждает, что в современном японском языке, если и допустимо описание стечения гласных сегментов (или гласных с назальным N) с использованием термина «дифтонг», то с оговорками, касающимися отчасти акустического и артикуляторного аспектов этого явления. В.В. Рыбин считает, что в СЯЯ нет настоящих дифтонгов, потому как стечения гласных (если их считать допустимыми с фонологической точки зрения) и сочетания согласных с носовым [N] могут быть отнесены к разряду ложных дифтонгов [6. С. 145—153]. В рассмотренных выше примерах каждый звук является самостоятельной единицей.

Для русского языка характерна количественно-качественная редукция безударных гласных: длительность их сокращается, и они произносятся с меньшим напряжением, в результате чего меняется качество звука [1]. В японском языке редуцируются узкие гласные [i] и [u] ([ɯ]) в позиции между глухими согласными или после глухого в конце слова (перед паузой). При прослушивании японской речи находящиеся в конце фраз [desũ] (глагольная связка) и глагольный суффикс респектива [masũ] звучат почти без финального гласного. В естественной речи в большинстве случаев они произносятся с оглушенным гласным без его тембрального изменения, так характерного для русской качественной редукции, как и в случаях [sũki desũ] ‘мне нравится (что-то, кто-то)’, [fũta] ‘крышка’ или [haɸĩ] ‘палочки для еды’.

В монографиях С. Каваками и С. Сирота говорится о количественной редукции гласных [a], [o] и [e] в тех же позициях. Так, С. Каваками, приводя в качестве примеров варианты произнесения с первым редуцированным аллофоном фонемы [a]: [kãtana] ‘меч (самурая)’, [kãkaru] ‘висеть (на чем-л.)’, [kãtaru] ‘говорить, рассказывать’ и др., замечает, что такое произнесение вполне обычно, хотя не является предписанным нормой произнесения. Такая редукция тоже относится к факультативной [6. С. 155—159], тогда как в русском языке качественно-количественная редукция безударных гласных обусловлена фонетическим законом и орфоэпической нормой и обеспечивает нормативный общий фонетический облик русского слова.

Поскольку носителями японского языка редуцированные слоги воспринимаются как полнослоговые, в русской речи японцев неумение редуцировать звуки русского языка сохраняется долгое время. Каждому звуку японец будет стараться придать то звучание, которое совпадает с графемой. Две, казалось бы, противоречивые тенденции характеризуют интерферентную русскую речь японцев: полная редукция кратких безударных гласных (сочинение — [сочнение], метели —

[м'ит'ел'] и вставка кратких гласных в сочетание согласных в соответствии с законом открытого слова (письмо — [писимо], на экскурсию — [на экускурию]) [2].

Еще одной отличительной чертой русского вокализма является комбинаторное изменение гласных в зависимости от твёрдого-мягкого согласного консонантного окружения, известное как аккомодация. Рассматривая соседство гласных с твёрдыми и мягкими согласными, обычно говорят о четырех позициях аккомодации, обозначаемых как СГС, С'ГС, СГС', С'ГС'. Традиционно считается, что гласный (особенно непередний) в соседстве с мягким согласным продвигается вперед по ряду и нередко становится более закрытым (т.е. выше по подъему), а со стороны мягкого согласного в гласном слышится [и]-образный переходный участок, придающий всему гласному дифтонгоидность [3. С. 105—121]. Считается также, что аккомодация может быть прогрессивной (в направлении от предшествующего согласного к последующему гласному, например: *ляг, лес, люк*), регрессивной (в направлении от последующего согласного к предшествующему гласному; например: *дали, о доме, о луке*) и двусторонней, прогрессивно-регрессивной (изменение гласного под влиянием предшествующего и последующего согласных, например: *мяли, о мёде, о люке*). На самом деле аккомодация гласных в потоке речи в результате коартикуляции всегда двусторонняя, и можно говорить лишь о степени ее проявления в начальном и конечном переходных участках в зависимости от характера фонологической системы и артикуляционной базы конкретного языка. В русском языке дифтонгоидность гласных зависит от степени контраста между гласным и соседними согласными: наиболее ярко она проявляется между непередними гласными и мягкими согласными или между передними гласными и твёрдыми (особенно сильно веларизованными) согласными. Хотя в позиции СГ изменения гласных более заметны, чем в позиции ГС, все-таки последняя позиция в многосложном русском слове очень существенна в смене твёрдо-заднего и мягко-переднего укладов, например, в словах типа *были, жизнь, пила, шесть, режь* [3].

В японском языке, где противопоставление твёрдых-мягких согласных фонем имеется в губном и заднеязычном локальных рядах, а твёрдые переднеязычные перед [i] чередуются с мягкими шипящими, в позиции после мягкого согласного всегда наблюдается прогрессивная аккомодация (гласные становятся более передними и закрытыми; имеется i-образный переход, более яркий после заднеязычного), как и после гласного [i] в сочетании с другим гласным. В позиции же перед мягким согласным заметной регрессивной аккомодации не наблюдается, что свидетельствует о большем примыкании согласного к последующему гласному, чем к предшествующему: это вполне согласуется с законом открытого слога в японском языке [2].

Соответственно, логично предположить, что хоть в японском языке и наблюдается явление аккомодации, оно проявляется иначе, чем в русском, и у японских учащихся возникнут проблемы при изучении сочетаемости гласных с мягкими согласными, поскольку в данном случае гласные приобретают дифтонгоидный и даже трифтонгоидный оттенок (ср.: [мám]а — э[мá"л'] — м"á"т').

Таким образом, с учетом системных закономерностей ФС и АБ конкретного языка становится понятным отсутствие полного или хотя бы приблизительного тождества между звукотипами двух языков, и тезис об идиоматичности организации речевого потока на каждом языке вполне справедлив. Типологическая характеристика каждой пары сопоставляемых языков выявляет универсальные нарушения и специфические закономерные отклонения в русской речи, присущие только представителю конкретного языка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бондарко Л.В.* Звуковой строй современного русского языка. — М., 1977. [*Bondarko L.V.* *Zvukovoj stroj sovremennoogo russkogo yazyka.* — М., 1977.]
- [2] *Логинова И.М.* Вокализм японского языка в аспекте русского языка как иностранного. // VI международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. — СПб., 2001. [*Loginova I.M.* *Vokalizm yaponskogo yazyka v aspekte russkogo yazyka kak inostrannogo // VI mezhdunarodnaya konferenciya po yazykam Dalnego Vostoka, Yugo-Vostochnoj Azii i Zapadnoj Afriki.* — СПб., 2001.]
- [3] *Логинова И.М.* Описание фонетики русского языка как иностранного (вокализм и ударение): Монография. — М.: РУДН, 1992. [*Loginova I.M.* *Opisanie fonetiki russkogo yazyka kak inostrannogo (vokalizm i udarenie): Monografiya.* — М.: RUDN, 1992.]
- [4] *Плетнер О.В., Поливанов Е.Д.* Грамматика японского разговорного языка. — М.: Изд. Моск. ин-та востоковедения, 1930. [*Pletner O.V., Polivanov E.D.* *Grammatika yaponskogo razgovornogo yazyka.* — М.: Izd. Mosk. in-ta vostokovedeniya, 1930.]
- [5] *Рогозная Н.Н.* Типологические и специфические закономерности фонетической интерференции // Фонетика в системе современного русского языка. Вып. 3. Ч. 2. — М.: РУДН, 2002. — С. 99—105. [*Rogoznaya N.N.* *Tipologicheskie i specificheskie zakonomernosti foneticheskoy interferencii. // Fonetika v sisteme sovremennoogo russkogo yazyka. Vyp. 3. Ch. 2.* — М.: RUDN, 2002. — S. 99—105.]
- [6] *Рыбин В.В.* Звуковой строй японского языка: сегментная и супraseгментная фонетика: Дисс. ... докт. филол. наук. — СПб., 2011. [*Rybin V.V.* *Zvukovoj stroj yaponskogo yazyka: segmentnaya i suprasegmentnaya fonetika. Diss.... dokt. filol. nauk.* — СПб., 2011.]

INTERFERENCE SOURCES IN THE FIELD OF VOCALISM IN RUSSIAN SPEECH OF THE JAPANESE

V.V. Nosova, I.M. Loginova

The Chair of the Russian language and Methods of its Teaching
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article compares the Russian and Japanese languages in the aspect of teaching Russian to Japanese students. For this purpose, in particular, typological analysis of vocalism of the Russian and Japanese languages systems is performed.

Keys words: typology, Russian, Japanese, vocalism, reduction, accommodation.